

В. В. ИЛЬИН

**СМОЛЕНСК—СЛОВО СТАРИННОЕ
И ЧАРУЮЩЕЕ.**

**ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ ГОРОДА**

Министерство образования Российской Федерации
Смоленский государственный педагогический институт
имени Карла Маркса

В.В. ИЛЬИН

СМОЛЕНСК - СЛОВО СТАРИННОЕ И ЧАРУКЩЕЕ.
ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОРОДА

Материал для школ и вузов к Дню славянской
письменности и культуры

СМОЛЕНСК
1992

Автор В.В. Ильин, доктор филологических наук, профессор

В брошюре раскрываются наиболее интересные гипотезы названия города Смоленска, его доисторической и исторической жизни в раннее Средневековье, принятие христианства. Особое внимание уделено развитию письменной культуры на Смоленщине, составлению и изготовлению рукописных книг, развитию художественной литературы.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей развития письменности и культуры в Смоленском крае.

Рецензент Е.Ф.Троицкий, доктор филологических наук, профессор

ISBN 5-88018-004-2

©

Смоленский государственный педагогический институт им. К. Маркса,
1992

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ПРАЗДНЕСТВ В РОССИИ

Идея единения славянских народов сложилась в русском общественном сознании, видимо, вскоре после Отечественной войны 1812 года, когда Россия, одержав ряд блистательных побед над Наполеоном, восхитила Европу своим героизмом и мужеством, а, с другой стороны, возбудила к себе враждебные чувства, возникшие, по всей очевидности, под воздействием страха перед ставшим во весь рост славянским исполином. Эти явно антирусские настроения вызвали в свою очередь ответную реакцию в России, наиболее ярко выраженную в стихотворении А.С. Пушкина "Клеветникам России":

О чем шумите вы, народные витии?
 Зачем анафемой грозите вы России?..
 И ненавидите вы нас...
 За что к? ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, под кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготевший над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?..

Именно в такой напряженной, политически насыщенной атмосфере оформилось идейно и психологически русское славянофильство, захватившее лучшие силы передовой дворянской интеллигенции.

В теоретическом плане первые конструктивные шаги к доктрине единства славянства сделал молодой славист М.П. Погодин, только что начинавший свой нелегкий путь в науке. В 1825 году он перевел на русский язык сочинение известного чешского исследователя И. Добровского "Кирилл и Мефодий, славянские первоучители", чем, несомненно, пробудил большой интерес в сознании русской интеллигенции к великим славянским ученым и проповедникам христианства конца девятого века. Семена, брошенные на увлажненную русскую почву, быстро проросли и дали прекрасные всходы.

Не исключено, что под воздействием публикации М.П. Погодина и в силу некоторых других причин в ведущих университетах России - Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском -

с 1835 года были открыты кафедры по истории и литературе славянских наречий, которые явились своего рода мощными научными центрами по освоению кирилло-мефодиевского наследия.

Активными пропагандистами учения и миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия стали талантливые русские слависты О. Бодянский, В. Григорович, П. Лавровский, И. Платонов и ряд других ученых.

В 1843 году на страницах славянофильского журнала "Москвитинин" появилась серьезная работа профессора Московской духовной академии, протоиерея А.В. Горского, "О св. Кирилле и Мефодии". Между прочим, в библиотеке учебного заведения, в котором он преподавал, была обнаружена рукопись, неизвестно как и когда попавшая туда, о жизни и миссионерской деятельности солунских братьев, дотоле неизвестная в науке. В руках русских ученых оказался таким образом важный источник для разработки биографий славянских первоучителей. Вот почему популярность их растет год от года, имена часто упоминаются не только на заседаниях Общества Истории и Древностей Российских, в докладах славистов, но попадают в капитальные научные труды. Так, в 1846 году вышла книга крупнейшего русского историка-богослова Макария "История христианства в России до равноапостольного князя Владимира", в которой, наряду с другими вопросами, излагались основы учения солунских братьев; автор монографии высказал мысль - отметить в 1862 году тысячелетие славянского перевода Библии, сделанного Кириллом и Мефодием.

Художественным отражением этих настроений русского общества явилось написанное в 1847 году превосходное стихотворение идейного вождя славянофилов А. Хомякова о славянском единстве, о сияющем на Петчине в Праге златоверхом храме.

И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петчин всходил.
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.

Как бы переключаясь с А.С. Пушкиным, писавшим в "Памятнике" о "внуках славян", А. Хомяков в стихотворении звал "милость Господню" на славянский западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай.

Исключительно плодотворны в деле защиты славянского единства и пропаганды учения Кирилла и Мефодия, как первоучителей, оказались последние годы прошлого столетия.

11 мая 1862 года в Московском университете состоялось торжественное собрание студентов и профессорско-преподавательского состава в честь Кирилла и Мефодия. Об этом важном событии славянофильская газета "День", которую редактировал И. Аксаков, поместила статью. По мнению ее автора, как ни скромно было это торжество, но оно все же было четким выражением "не одной пробудившейся поздней признательности к творцам славянской письменности", но и возникшей в русском общественном сознании идеи славянства, послужившей залогом "будущего духовного воссоединения всех славян", "звеном, связующим разрозненных братьев".

И. Аксаков считал, что пробуждение идеи славянства, безусловно, благотворно отразится как на внутреннем, так и на внешнем положении России. В славянских странах оно даст нравственную опору "неутешимым и мужественным страдальцам", задыхавшимся под игом немцев и турок, а в России идея единства славян создаст прочную основу для русского народного возрождения.

11 мая 1863 года, выступая в том же Московском университете в честь праздника Кирилла и Мефодия, М.П. Погодин выделил основные исторические вехи тысячелетней России, отметив в их числе основание русского государства, принятие православной веры, битву с татарами на Куликовом поле, освобождение России от поляков и литовцев, Полтавскую победу, Отечественную войну 1812 года и, наконец, освобождение "двадцати пяти миллионов крепостного народа". Между этими важнейшими историческими событиями главенствующее место, по убеждению ученого, занимает богослужение на своем родном языке, обусловившее все эти и другие успехи: "так в сражении на Куликовом поле душою был св.Сергий, а рукою Дмитрий Донской; так в освобождении Москвы от поляков Гермоген, Иосиф, Дионисий, Палицын участвовали не менее Полярского, Минина и Сусанина, возбуждая народ восстать за дом Пресвятой Богородицы". Свое выступление М.П. Погодин закончил словами: "Вот что сделали для русского народа св.Кирилл и Мефодий!"

Если снова обратиться к художественной литературе, как са-

тому правдивому и точному барометру общественного мнения, то следует указать на два превосходных стихотворения Ф.И. Тютчева: "11 мая 1869 года" и стихотворение без названия, посвященное тысячелетней годовщине "Кирилловой кончины", в котором есть такие пронзительные строки:

"Не изменяй себе, великая Россия!
 Не верь, не верь чужим, родимый край,
 Их ...льной мудрости, иль наглými их обманам,
 И, как святой Кирилл, и ты не покидай
 Великого служения славянам..."

"Великому служению славянам" отдали много сил и знаний выдающиеся русские ученые, члены Петербургского Славянского Влаготворительного комитета: Ф. Буслаев, О. Миллер, Г. Георгиевский, Г. Иваницкий, А. Гильфердинг и другие. Это по их инициативе была создана особая комиссия, главной задачей которой была разработка грандиозной программы подготовки тысячелетия России, тысячелетия кончины Кирилла, тысячелетия славянской азбуки и тысячелетия кончины Мефодия. Они явились инициаторами и самыми активными участниками целого ряда важнейших международных научных конференций. По решению комитета с 1870-х годов стали начинать праздники славянской письменности и культуры с торжественной Возжествленной литургии, что затем стало славной традицией. Современники с восторгом и благоговением вспоминали такую службу в Исаакиевском соборе 14 февраля 1871 года.

С 1880-х годов был принят гимн братьям Кириллу и Мефодию ("И будет славить Русь родная//Святых апостолов славян"), с исполнения которого традиционно начинались затем все торжественные сборища.

Как известно, много времени и творческого огня отдал славянскому вопросу выдающийся писатель земли русской - Ф.М. Достоевский. Торжественный вечер 14 февраля 1881 года, посвященный его светлой памяти, как рассказывают очевидцы, был многолюдным, торжественным и интересным; он собрал как поклонников великого писателя, так и почитателей святых содусских братьев.

1885 год был кульминационным в торжествах, проходивших

в России в память славянских первоучителей, объединявших всех славян. В этот год исполнилась тысяча лет со дня смерти постоянного жизненного спутника и неутомимого помощника Кирилла, его родного брата — Мефодия. Святейший Синод принял специальное решение о чествовании братьев. Дни их памяти были отнесены Синодом к церковным праздникам среднего ранга — с разрешением повсеместно крестных ходов и "вседневного колокольного звона". Накануне праздника изрядно потрудились работники издательств, выпустив более 20 книг о жизни первоучителей, "просветителей славян" — красочно оформленных, в дорогом убранстве. Три апрельских дня длились яркие торжества в Киеве, Москве, Петербурге и в других русских городах; совершались крестные ходы с молебствием и водоосвящением; во всех церквах в эти дни гудел колокольный звон; вечерами проходили всеславянские концерты, устраивались другие зрелища. Городские власти, акционерные общества, частные лица вносили крупные суммы на создание благотворительных учреждений, публичных библиотек, на приобретение икон и хоругвей святых Кирилла и Мефодия и т.п. "Московские ведомости" сообщали, как в Храме Христа Спасителя проходило всенощное бдение, а затем в Москве состоялся большой крестный ход. Шествие открыли "сорок пар хоругвей из соборов, за хоругвеносцами шли попарно 130 псаломщиков, 140 диаконов и 150 протоиереев и иереев, все в одинаковых дорогих облачениях из золотой парчи..."

Так торжественно и красочно проводились дни Кирилла и Мефодия, собирая и сближая людей в единой славянской думе.

В цикле стихов, написанных по этому поводу, известный в конце XIX века поэт, друг И.С. Тургенева, Константин Случевский писал:

Бессмертье слышится в невидимом общенье,
Вас, вашей памяти, и нас — толпы живой,
И десять тут веков, в мгновенном воплощенье,
Заметно дышат цельною душой.

Массовые народные торжества по случаю славянского единства проходили в XIX и начале XX века, конечно, не только в столицах и крупных губернских центрах России, но и в небольших городах и уездах: их праздновали православные люди разных сословий и национальностей, потому что это были торже-

ства для всех. "Смоленские епархиальные ведомости" писали, например, о днях славянского единства, пролонгировав в городе Вязьме. Ученики духовного училища утром 11 мая 1885 года в "стройном порядке" отправились в соборную церковь на моление. По окончании "Всестественной литургии" они приняли участие в крестном ходе, неся три иконы: две - Божьей Матери (Иверской и Смоленской), а третью - святых Кирилла и Мефодия, которую училище приобрело накануне праздника, собрав по подписке необходимые деньги. В шествии участвовало много жителей города. Такого рода празднества прошли и в других городах и весях Смоленщины.

При советской власти положение резко изменилось; в тридцатые годы была распущена Кирилло-Мефодиевская комиссия, существовавшая при Академии Наук СССР; и только в годы Великой Отечественной войны стал выходить журнал "Славяне", который робко пытался развивать идею славянского единства. Однако тогдашние идеологи не поощряли его благих начинаний, связывая имена славянских первоучителей с идеями христианской церкви. Лишь в 1963 году в нашей стране состоялись научные конференции по случаю 1100-летия создания славянской азбуки, а затем в 1986 году в Мурманске был проведен первый общеславянский праздник, который не приобрел еще тогда широкого народного торжества. И только в последующие годы он постепенно набрал свою силу - в Вологде, Новгороде, Киеве, Минске, Смоленске. В Вологде его приурочили к юбилею поэта К.Н. Батышкова, в Новгороде - к тысячелетию принятия христианства на Руси, в Киеве - к юбилею Т.Г. Шевченко и т.д.

Очередные праздничные торжества состоятся в 1992 году в Москве и пройдут под знаком чествования, кроме славянских первоучителей, великого русского подвижника и учителя, преподобного Сергия Радонежского, озарившего великую Русь своим духовным светом в тяжелые годы татарщины, пробудившего в ней могучие силы, что и позволило ей одержать решающую победу на Куликовом поле.

ДНИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В СМОЛЕНСКЕ

Все это происходило в теплые, хотя и не всегда погожие, майские дни. Обновленный весной, вечно молодой и в то же время "с сединами на висках", Смоленск, как радушный хозяин, принимал многочисленных гостей, близких по духу, языку и брат

ству, — из Болгарии и Польши, Чехии и Словакии, Сербии и Хорватии, Словении и Черногории, Белоруссии и Украины. На праздничные торжества прибыли посланцы из многих регионов и округов России. Около тысячи человек разместили город только в своих гостиницах; остальные, как "частные лица", нашли пристанище у своих близких и знакомых. Среди прибывших находились выдающиеся писатели и поэты, художники и скульпторы, ученые и артисты, победители конкурсов художественной самодеятельности и просто почетные гости города.

В эти дни всеобщих торжеств на улицах Смоленска можно было запросто встретиться с Валентином Распутиным или Дмитрием Балашовым, Юрием Кузнецовым или Юрием Соломиным, В.М. Клыковым или О.К. Комовым, с министрами культуры, науки и высшей школы России и ее соседней из братских стран.

Праздник начался в пятницу, 24 мая, торжественным утренним Богослужением в Успенском соборе в память великих первоучителей Словенских, создателей славянской азбуки, святых братьев Кирилла и Мефодия. Сам по себе наш собор всегда привлекал и привлекает внимание своей неопишуемой красотой и необъяснимым величием. Многочисленные туристы, посещавшие город, всегда восхищаются им; но в эти майские дни собор выглядел еще наряднее и красивее в Ялокочущей и трепыхающейся людской пестроте, в бурном праздничном торжестве людской массы, в своем ярком убранстве.

После литургии, прозвучавшей торжественно, четко и впечатляюще в это памятное майское утро, огромная процессия, пройдя по центральным улицам "красно-украшенного" Смоленска, приблизилась к парку культуры и отдыха для совершения торжественного акта: одна из прилегающих к парку улиц с этого момента получила новое имя, стала называться улицей Кирилла и Мефодия, давших в конце девятого века славянскую азбуку ряду народов. На доме, который смотрит своими окнами в парк, был установлен барельеф святых братьев-проповедников, подаренный городу болгарскими друзьями.

В этот день в Смоленском педагогическом институте состоялась представительная научная конференция на общую тему: "Смоляне и культурное наследие России". С докладами выступили на ней доктор наук и профессор Е.Н. Борисова, В.С. Бавевский, Д.И. Будаев, В.В. Ильин, Я.Р. Кошелев, кандидаты наук и доценты И.Н. Антифеева, В.С. Картавенко, И.А. Королева, Н.В. Романкова, Э.Д. Удальцова, аспиранты М.С. Ефременков и

М.И. Тарасов и другие.

Студенты факультета русского языка и литературы пединститута, главным образом первокурсники, приняли активное участие в литературных чтениях, посвященных величайшему русскому литературному памятнику XII века - "Слову о полку Игореве", который является культурным достоянием всех восточных славян.

В выставочных залах Смоленска развернули свои экспонаты выставки России, Украины и Белоруссии - "Памяти Отечества". А вечером в областном драматическом театре состоялось открытие Дней славянской письменности и культуры, завершившееся большим праздничным концертом.

Предельно насыщенным был и следующий День славянской письменности и культуры, 25 мая. Он начался международной научной конференцией, которая продолжалась и в последующие дни. За это время было прочитано и обсуждено 86 научных докладов на темы письменности и культуры славян. На пленарном заседании выступили члены-корреспонденты Академии Наук Я.Н. Шапов ("Идеи мира язычества и христианского времени в древнерусской письменной традиции") и О.Н. Трубачев ("В поисках единства. 1У. Смоленские мотивы"), а также наши гости из Югославии и Польши - Александр Младенович и Лешек Мошинский. С глубоким вниманием участники конференции прослушали доклады архимандрита Макария, профессоров Е.М. Верещагина и О.В. Творогова. С очень интересным научным сообщением "Русь и Сербия" выступил наш гость Моровеич.

Кроме научной конференции, славянскому содружеству в этот день был посвящен фестиваль художественных и документальных фильмов.

И все же главным событием этого праздничного дня надобно считать установление и освящение памятного знака на месте гибели одного из первых русских святых, великомученика и страстотерпца, Муромского князя Глеба Владимировича, зверски убитого на выезде из Смоленска, на Смядыни, в 1015 году наемниками его брата Святополка "окаянного", незаконно захватившего после неожиданной смерти отца власть в Киеве. На месте гибели Глеба был установлен огромный гранитный камень с крестообразно высеченным пространством текстом, рассказывающим о трагической истории смерти единоутробных братьев Бориса и Глеба.

В этот же день в бывшем доме политического просвещения, а также в областной библиотеке и педагогическом институте проходили встречи с известными писателями и авторскими коллективами центральных журналов. Незабываемое впечатление на слушателей-смолян произвел Дмитрий Валашов, автор серии романов о Московских князьях и великом Новгороде, а также о Сергии Радонежском.

26 мая плодотворно продолжала свою работу международная конференция; одновременно заседали две секции — по истории письменности, культуры и искусства славян, под председательством ведущих ученых Н.Н. Шапова и В.В. Седова, и вторая — по славянским языкам, литературам и общественной проблематике, которую возглавляли О.В. Творогов и Г.В. Судаков.

Этот день был днем города Смоленска. Помимо проходившей научной конференции, на городских улицах шли народные гуляния, выступали фольклорные художественные коллективы, была организована выставка продукции самодеятельных художников. Но главное событие этого дня состоялось в полдень, когда был открыт памятник зодчему конца XVII века — Федору Коню, создателю "чуда неизглаголанного" — Смоленской крепостной стены, построенной по всем правилам европейского фортификационного искусства. Автор, известный скульптор Олег Константинович Комов, осуществил свой замысел памятника Федору Коню в классической манере. "Я изобразил его таким, — говорил он, отвечая на вопросы корреспондента, — каким он мне представлялся, высокодуховным, мудрым мыслителем. Именно мыслителем, мудрецом". Именно таким он и предстал перед смолянами — выдающимся зодчим, человеком эрудированным и образованным "по самым высоким меркам той эпохи", а не этаким "левшой", босоногом мужичком, которому все дается легко и с лихвой. А ведь на это как раз и ориентировали скульптора некоторые современные "знатоки" древней культуры.

Вечером 26 мая после официального закрытия Дней славянской письменности и культуры состоялся заключительный концерт, транслировавшийся, как и концерт при открытии, по радио и по первой программе телевидения в "прямом эфире".

За время пребывания в Смоленске наши гости ознакомились не только с его памятными местами, но и посетили достопримечательности Смоленщины. Экскурсионное бюро ежедневно отправ-

ляло автобусы-экспрессы и в Новоспасское, на родину М.И. Глиники; и в Хмелиту, с которой связаны юность и годы А.С. Грибоедова; и в Загорье, которое считается колыбелью великого поэта нашего века А.Т. Твардовского; и в Гнездово, в одном из курганов которого при раскопе был найден глиняный сосуд с надписью "горсухца" - самым древним из дошедших до нашего времени славянских слов. Походы и поездки совершались в эти праздничные дни и в другие места, которыми богата Смоленщина.

Когда участники празднеств отъезжали специальным поездом в Москву, в Смоленске шел моросящий дождь: город как бы со слезами расставался со своими новыми друзьями, которые его полюбили и которых он тоже успел узнать и оценить по достоинству.

Таковы краткие итоги прошлого общеславянского праздника в Смоленске. Приобретенный опыт его подготовки и проведения не должен уйти в небытие: его надлежит сохранить и приумножить. Дни славянской письменности и культуры должны послужить возрождению России. То, что при отъезде участников празднеств в родные места шел дождь, случит добрым знаком, хорошим предзнаменованием. В наши дни всеобщего разброда и отчаяния необходимы максимальные усилия к духовному сближению людей, что, безусловно, поможет им выстоять в годину затянувшегося лихолетья, поверить в себя и в свои силы.

Предстоящий 24 мая 1992 года День славянской письменности и культуры будет, конечно, гораздо скромнее по сравнению с прошлым годом, ибо на этот раз основные торжества будут проходить в Москве; и все силы будут направлены туда. И все же надлежит сделать все от нас зависящее; подготовка к празднику должна пойти по ряду направлений.

Во всех общеобразовательных школах, в институтах, лицее, колледже, гимназии, педагогическом училище, техникумах, профессионально-технических училищах и других учебных заведениях должны пройти занятия, посвященные памяти Кирилла и Мефодия, раскрывающие их многогранную просветительскую деятельность. Хотя о них накопилась огромная научная и популярная литература более десяти тысяч названий, однако современному читателю известна лишь незначительная ее часть. По этой причи-

не Фонд славянской письменности и культуры издал в 1991 году библиографический указатель "Кирилл и Мефодий", составленный В. Огрызко; он может оказать существенную помощь педагогам школ и вузов.

Поскольку Дни славянской письменности и культуры приобретают всенародный характер, становятся торжествами "на все времена", возникает необходимость обращения к истории чествования славянского слова и памяти славянских первоучителей в нашей стране.

Это собственно второе направление предстоящей работы. Здесь будет полезно вспомнить имя известного слависта М.П. Погодина, протоиерея А.Горского, выдающегося историка-богослова Макария и других подвижников. С их деятельностью необходимо познакомить не только учащуюся молодежь, это надо знать каждому культурному человеку.

Третье направление работы связано с подготовкой научной конференции и литературных чтений, которые должны стать традиционными.

Четвертое направление предполагает разработку и проведение тематических театрально-зрелищных представлений в закрытых помещениях, где позволяют условия, а также на улицах и площадях.

Пятое направлено на проведение конкурсов между высшими, специальными средними учебными заведениями, общеобразовательными школами на лучшую самодеятельность, на организацию вечеров, концертов, олимпиад, викторин на темы славянского письма и художественной культуры.

Шестое направление работы предполагает разработку местными предприятиями новых моделей русского народного костюма и других изделий с последующей их распродажей.

Конечно, кроме перечисленных видов участия в подготовке Дня славянской письменности и культуры, могут быть и другие. Предстоящие массовые праздники немыслимы без участия творческой интеллигенции, епархии, служб кафедрального собора, духовного училища. Только объединенными усилиями можно превратить предстоящий День Первоазбуки, День памяти святых Кирилла и Мефодия, День истоков нашей культуры в содержательное запоминающееся зрелищное торжество, в чистый родник памяти

и истории, что особенно актуально в наши дни, когда славянские народы страшно разобщены и натравливаются друг на друга, и поэтому требуются огромные усилия, чтобы приостановить этот пагубный процесс, подавить бесовские силы разъединения.

Смоленск не случайно был выбран в прошлом году для проведения торжеств: это древнейший город восточных славян, имеющий свои многовековые традиции.

СМОЛЕНСК: ГИПОТЕЗЫ О НАЗВАНИИ ГОРОДА, СМОЛЯНЕ И КРИВИЧИ

В связи с тем, что Смоленск упоминается в древнейших отечественных и иностранных источниках, возникает настоятельная необходимость приоткрыть, насколько это возможно в наших крайне стесненных условиях, его доисторическую жизнь и тем самым отступить от сложившихся стереотипов о возрасте города и его наименовании.

Как известно, в 1968 году смоляне отмечали 1100-летие своего города; в 1988 году - 1125-летие; видимо, такие "круглые" даты будут появляться периодически, через определенные промежутки времени.

И все же, несмотря на установившуюся в определенном порядке парадность, надобно отметить, что наши местные историки явно поспешили с юбилеем своего города: Смоленск значительно старше тех лет, какие ему отвели на скрижалях письменной истории.

Существующая юбилейная дата опирается на запись в Устюжской летописи, попавшей туда, видимо, из Смоленского летописного свода, который оказался утраченным и следы которого до сих пор найти не удалось. Под 863-м годом от рождества Христова эта запись гласит: "Смоленск велик и мног людьми" и управляется старейшинами.

Выходит, что 1129 лет тому назад, когда в какой-то старинной летописи появилась эта хронологическая дата, Смоленск был уже крупным городом с многочисленным населением. Иностранцы доисторические источники утверждают, что основание города на Днепре восходит к началу IY века. А может быть, это случилось гораздо раньше.

Из неславянских источников, содержащих упоминание о Смоленске, укажем "Сагу о Тидрике Вернском".* Она записана была

на юге Германии, скорее всего, в Вероне, и сохранилась в том виде, в каком существовала 900 лет тому назад. Конечно, это был не первоначальный ее вариант, так как до того, как она была записана, она успела пройти через многолетнюю практику устного исполнения.

Сага рассказывает о русских людях, представляющих внешний мир по отношению к германским племенам. Их предводитель и вождь Тидрек считается основателем ост-готского государства, существовавшего в начале IY века нашей эры. Кстати сказать, Сага о Тидреке Вернском послужила источником для знаменитого германского эпоса "Песни о Нибелунгах".

Рассказывая о русских племенах, как о главных соперниках готов, а также гуннов, потеснивших и затем поработивших их, Сага представляет русичей смелыми воинственными людьми. Предводитель их Вольдемар, видимо, Владимир, отличается храбростью и большим полководческим искусством: "смело идет вперед и побуждает русских и велит трубить в рога. Поднимается тогда великая сеча и шум от возбуждения и натиска русских, и пало много из войска гуннов. Дело дошло до того, что конунг Аттила бежал со всем своим войском, а до того он потерял не меньше десяти сот своих людей".

В Саге упоминаются русские города Полоцк и Смоленск. О первом рассказано, что он был так сильно укреплен, что Аттила со своими воинами не знал, как его взять: "была там крепкая каменная стена, большие башни и широкие и глубокие рвы, а в городе было большое войско для его защиты, и те, кто охранял город, мало боялись войска конунга Аттилы".

Далее в Саге повествуется о том, как конунги Тидрек и Аттила осадили город Смоланд (Смоленск), и были у них "большие битвы с горожанами". В главе 313-й об этом записано так: "Спустя три дня после того, как конунг Тидрек уехал от конунга Аттилы, конунг Аттила делает такой сильный приступ к городу с военными машинами и самострелами, что им удалось взять город. И в тот день гунны вошли в город со всем своим войском, перебили много людей и взяли несчетную добычу, почти весь город сровняли с землей".

Если "Сага о Тидрике Вернском" и "Житие святого Северина" дают возможность углубиться в историю Смоленска до IY века,

то лингвистический анализ источников, раскрывающих название города, его населения в историческом плане, дает возможность отодвинуть эти границы в доисторические времена, в недра глубокой древности.

Как, когда и откуда появилось название города Смоленска? Н.А. Мурзакевич (1769-1834), который по праву считается первым смоленским историком, полагал, что Смоленск получил свое имя как города от смольян - славянского племени, которое располагалось по берегам Днепра, занималось производством смолы. Этот продукт был тогда в большой цене, поскольку им смолыли суда. И добытчиков смолы и ее потребителей стали называть "смольнянами", а селение, где они жили, стало называться "Смоленец".

Такова одна из гипотез, объясняющих название Смоленска. Существовали и другие предположения.

В Смоленском губернском архиве в начале XIX века хранилось краткое рукописное описание Смоленска, составленное в 1780 году неизвестным автором, очевидно, по случаю посещения города императрицей Екатериной II. Отвечая на вопрос о названии города, автор рукописи приводит разные версии и толкования: одни, замечает он, производят "название оное от Смолигова колодезя", другие - "от предводителя Смолига", который когда-то заселил город людьми; третьи - от речки Смолянки, как назывался когда-то Егорьевский ручей.

Имеются и иные толкования: например, смоленский историк конца XIX - начала XX века, С.П. Писарев, утверждал, что свое имя город получил от славянского племени "смоляне". Вполне вероятно, что так оно и было или могло быть: в Киеве, как известно, жили поляне, в Новгороде - северяне, в Смоленске - смоляне. На международной научной конференции, проходившей в Смоленске 25-26 мая 1991 года в связи с празднованием Дней славянской письменности и культуры, О.Н. Трубачев, опираясь на лингвистический анализ, подтвердил в своем докладе точку зрения С.П. Писарева и Н.А. Мурзакевича относительно названия Смоленска.

Недавно старейший русский писатель, И.В. Абрамов, живущий в городе Брянске, высказал еще одну версию относительно названия Смоленска. Он отверг точки зрения тех, кто связывал на-

звание города с первоначальными занятиями его жителей. Конечно, очень просто решить: люди гнали смолу и год, и два, и десяток лет, облюбовали место и поставили город. Однако Смоленск возник не на том месте, на котором стоит в настоящее время, а значительно ниже по Днепру, в районе так называемых "нездовских курганов", что подтверждается раскопками, а может быть, его наши очень далекие предки заложили еще ниже по течению реки — поближе к Купринскому озеру.

И.В. Абрамов высказал оригинальное предположение, что Смоленск как селение и как город возник в доисторические времена на берегу большого рыбного озера Су мо. Он считает, что и город Сумы на Украине в своем названии отразил это же понятие рыбного озера Су мо. И Мосальск в Подмосковье основан был на берегу озера и, вероятно, отразил это в своем названии.

Наименования озер и рек, о которых идет речь, восходит к очень далеким временам, когда жили древнейшие прародители славян — анты. И указанные топонимические названия могут помочь в поисках истины. Интересные наблюдения в этом плане оставил после себя выдающийся русский ученый А.А. Шахматов. Именно ему принадлежит оригинальная конструктивная гипотеза о расселении древнейших людей, оставшихся в живых после оледенения земли. По его утверждению, после того, как ледник наконец остановился в своем движении на юг, на территории нынешнего черноземья образовалось так называемое "теплое пятно", где сохранилась жизнь и жили люди. Прошли тысячелетия, прежде чем ледник начал свое попятное движение на север. Освободившееся ото льда пространство люди постепенно заполняли и осваивали. На прежней территории "теплого пятна" им становилось тесно, и они вынуждены были со временем разделиться: одна часть двинулась на юго-восток, образовав индо-европейскую расу, другая устремилась на юго-запад, продвигаясь преимущественно по берегам рек. Эти люди называли себя утами или антами. Именно они дали рекам свои названия. Не исключена возможность, что название Смоленска по названию большого рыбного озера восходит к этим далеким временам.

Некоторые новые подходы обнаруживаются и при выяснении

других понятий, связанных с городом Смоленском и его историей. Так долгое время считалось, что наши далекие предки были славянами из племени кривичей. Однако, если вдуматься в некоторые строки "Повести временных лет", то можно прийти к другим выводам. Дело в том, что Смоленск, как устанавливается из Повести, существовал еще до того, как пришли кривичи и утвердились в нем. При раскопках исследователи находят монеты времен Древнего Рима, особенно в "гнездовском Смоленске". Исходя из этого, С.П. Писарев рассматривал такого рода факты как неоспоримые доказательства существования Смоленска как города уже в первом веке нашей эры. В тесной связи с этим он доказывает и существование особого славянского племени — смолян, отличного по своим этническим особенностям от славянского племени кривичей. В этом убеждает нас и русская летопись, из которой известно, что смоляне не принимали участия в призвании варягов, как это сделали кривичи. Во все время княжения Рюрика и его братьев Смоленск был независимым славянским городом — тогда как Изборск, по Архангелогородской летописи, "в кривичах большой город", управлялся братом Рюрика — Трувором.

Современные историки не отличают кривичей от смолян, считая их единой этнической группой. А между тем, если не произвести разграничения, то нельзя объяснить, почему в дружине Олега, захватившей Смоленск, были по преимуществу кривичи, о чем свидетельствует "Повесть временных лет". А если все это так обстояло, как рассказывает древнерусский памятник, то, выходит, что кривичи шли войной сами на себя, что вообще трудно себе представить.

В "Повести временных лет" имеется такая запись: "В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собой много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей".

Судя по этой записи, кривичи выступают как завоеватели Смоленска. По всей очевидности, это их Олег "посадил" как своих мужей. Новые правители, конечно, не могли не испытывать сильного духовного влияния со стороны побежденных, у которых, если судить по "гнездовской" археологической находке, существо-

вала хорошо развитая докириллическая письменность и своя высокая художественная культура. Ее и впитали кривичи, постепенно растворившиеся в новой духовной сфере. После заметного ослабления Полоцка и особенно Изборска Смоленск фактически становится их центром, о чем не преминула упомянуть летопись. Об этом можно судить еще и по тому, что среди городов, перечисленных в договоре князя Олега с Византией 911 года, названы Смоленск и Полоцк, которым греки должны были уплатить контрибуцию. Однако в этом перечне русских городов отсутствовал Изборск как центр кривичей, потому что, по всей видимости, он потерял свое былое значение. Рядом с ним стали вырастать другие города — не только Полоцк, но и Псков, хотя в "Степенной книге царского родословия" была такая запись: "еще бо граду Пскову не суще, но бъяше тогда начальный град во стране той, завоимъ Избореск", но уже в Архангелогородской летописи появилась иная запись об Изборске: "а то ныне пригородок псковский".

Мы, безусловно, коснулись лишь одной стороны большого и сложного вопроса о кривичах и их основных городах в древнюю пору. Трудно определить, откуда вообще появились эти славянские племена. Н.А. Мурзакевич попытался отыскать прародину кривичей, связав ее с названием города Кривича, расположенного недалеко от Торопца, однако это только лишь предположение. Но как бы там ни было, к приходу Олега кривичи распространились далеко на север и северо-запад, заняв обширную территорию и основав города Изборск, Полоцк и, видимо, Псков. Олег привел их в Смоленск. Поскольку с именем этого князя связаны многие важные события Древней Руси, он оказался в центре внимания исследователей. Н.А. Мурзакевич, опираясь на неизвестные нам источники, сообщил некоторые подробности его происхождения. Оспаривая точку зрения современных ему историков, не считавших Олега князем, а лишь опекуном при малолетнем Игоре, сыне Рюрика, Н.А. Мурзакевич утверждает, что Олег был потомственным князем Урманским. С Рюриком, который привел варягов в Новгород, он находился в родственных связях — был родным братом его жены Эфанды.

После смерти Рюрика, по причине малолетия его сына Игоря, Олег принял княжение в Новгороде. Великая держава, которую он

задумав создать из славянских племен, должна, по его убеждению, твердо стоять "на двух ногах": помимо Новгорода у нее должен быть и другой центр. Собрав огромную дружину и захватив с собой маленького Игоря, он отправился на юг в поисках новой столицы. Устранив Аскольда и Дира, правивших в Киеве, он фактически переносит туда столицу. Древняя Русь при Олеге стала великим государством с двумя центрами - в Новгороде и Киеве.

Когда Олег спускался со своей дружиной вниз по Днепру, на его пути оказался Смоленск. Выйдя из ладьи, он вынес на руках Игоря со словами, что перед смолянами их законный князь, и те покорились ему, признав малолетнего княжича. До этого времени у смолян не было князя. Смоленск был независимым городом с вечевым управлением. В политическом плане он представлял собой союз отдельных общин или братств. Каждая община посылала в городское вече своего выборного "лучшего мужа".

Вече, или "общий суд", упоминается в договорах смолян с немцами и в ряде других источников. Как высшая государственная инстанция, смоленское вече решало все военные и гражданские вопросы большинством голосов.

Посадив в Смоленске "мужей своих", Олег оставил часть дружины, состоявшей преимущественно из кривичей, расселившихся к тому времени в истоке трех великих рек: Волги, Днепра и Двины. Со временем смоляне слились с кривичами, образовав единую этническую группу. Высокая устная и письменная культура смолян, восходящая еще к доисторическим временам, не могла погибнуть; по всей видимости, она мощной струей влилась в духовную жизнь кривичей. Таким же образом, очевидно, осуществлялся процесс "ославянивания" варягов-правителей: и в первом и во втором случае он протекал без каких-либо болезненных явлений, поскольку и варяги из племени "Русь", и смоляне, и кривичи были этнически родственными племенами. Все они были славянами.

ОБРАЗОВАНИЕ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Расположенный на торговом пути "из варяг в греки", Смоленск быстро рос и обогащался, становясь крупным центром сла-

вянской письменной культуры на северо-западе. При князе Владимире Святославиче — крестителе Руси — он попадает в число 12 почетных городов. Великий Киевский князь неоднократно посещает его по пути в Новгород. Город ему явно нравится своим гостеприимством. Среди смолян упорно держалась версия, будто Владимир лично участвовал в акте крещения местного населения. Н.А. Мурзакевич на основании какой-то древней рукописи, к сожалению, утраченной в период Отечественной войны 1812 года, когда сгорела Смоленская городская архива, утверждал, что Владимир крестил смолян в 990 году, когда вместе с митрополитом Михаилом ехал из Киева в Новгород. В Воскресенской летописи также зафиксирован этот акт. В хранилище древних рукописей Архангельского церковно-археологического комитета исследователь прошлого столетия Г.К. Богуславский нашёл хронограф ХУП века, в котором имелась запись: "В лето 6993 (990) иде Владимир в Смоленскую землю и тако крести все те земли".

По другим источникам, смоляне приняли крещение в 1013 году.

Еще до официального принятия новой веры некоторые из смолян-кривичей, участвовавших в походе князя Игоря против Византии, были уже христианами, ибо в договоре 944 года отдельно упоминаются крещенные и некрещенные русские Игоревы дружинники; "мы же, — говорится от лица первых, — кляномся церковь святого Ильи в соборной церкви", далее сообщается в летописи по этому случаю, что "мнози бо быша варязи христеяни". Некрещенные воины клялись на оружии. Полученная от Византии контрибуция распределялась между теми и другими.

С принятием христианства на Руси язычество оказалось в положении запрещенной веры и жестоко преследовалось христианской церковью. Однако это отнюдь не означало, что оно прекратило свое существование. Напротив, оно становилось тайной, нелегальной верой. Более того, введение христианства нередко сопровождалось народными волнениями, бунтами и даже открытым сопротивлением. О том, как крестили новгородцев, сохранилась поговорка: "Путята крестил их мечом, а Добрыня огнем".

В отличие от новгородцев, как и ростовчан и муромцев, смоляне, по утверждению летописцев, приняли новую веру спокойно, хотя, как это было тогда распространено повсеместно,

долго еще сохраняли в памяти и в быту старые языческие обряды и верования, оставаясь по сути "двоеверцами", что, безусловно, находит свое непосредственное отражение в русском героическом эпосе, а также в некоторых письменных источниках. Из первых отметим былины и сказания, из вторых — Уложение Смоленского князя Ростислава Мстиславича.

В русском героическом эпосе привлекает внимание былина о Михайле Потопе — самое значительное по объему произведение, насчитывающее более 1100 строк. Оно отражает злободневную в то время проблему противостояния язычества христианству, борьбу между ними как вовне, так и в сознании наших далеких предков.

Начинается былина с того, что Илья Муромец, как руководитель богатырской заставы, посылает одного из своих подручных, Михайлу Потока, на "боевое задание". Он должен покорить "корбу темную у грязи у черной", а "черны-то грязи смоленские". В своей поездке русский богатырь встречает красавицу Марию Белую Лебедь — дочь смоленского кривичского царя-язычника. Красавица — колдунья; она может принимать разные облики: в одно время птица, а в другое — девица. На предложение Михайлы выйти за него замуж она соглашается стать его женой, но при условии: что он, во-первых, крестит ее в Киеве, и во-вторых, если кто умрет первым, то в гроб должен лечь и второй.

Находясь в отлучке, Михайло узнает, что его жена умерла. Он собирает своих друзей и просит их снабдить его продовольственными припасами на три года и приготовить глубокую, просторную могилу с колодой-домовиной.

Спустили их во матушку сыру-землю,

Зарыли-то их в желты пески.

В домовине проявляется колдовская сущность коварной язычницы. Она превращается в змею и пытается ужалить Михайлу. Но так как друзья снабдили его не только продовольствием, но и оружием, он обнажает меч и разрубает ее на куски. Правда, затем он оживляет жену с помощью живой и мертвой воды, и они вдвоем выходят из могилы.

В былине Мария Лебедь Белая трижды пытается победить христианского русского богатыря — при помощи хитрости и коварства.

Но всякий раз терпит поражение. Михайлу всегда выручают люди добрые. В последний раз его спасительницей стала сестра царя Ивана Окульевича, к которому сбежала жена-оборотень, пригвоздив перед этим сонного богатыря к городской стене четырьмя огромными железными штырями. Сестру царя звали Анастасией. Видя наглое коварство Марии Белой Лебеди и своего брата, она освобождает Михайлу, и он убивает царя Ивана Окульевича и свою жену-чародеицу, а сам венчается в православной церкви с Анастасией, которая перед свадьбой принимает христианскую веру.

Переходное время, когда в сознании людей совмещались сразу две религии, нашло свое художественное отражение и в других фольклорных произведениях. В очевидной связи с "двоеверием" находится, например, легенда о смоленских девицах, записанная в прошлом веке Ф.И. Вуслаевым.

Смысл ее в том, что за тридцать верст от Смоленска по Черниговской дороге, которая начиналась тогда от Смяднии, смоленские девы творили неподобные игры. Когда перед ними явился Георгий Победоносец, очень популярный герой христианского эпоса, и стал уговаривать их, чтобы они перестали бесноваться, то они "нелепо возбраняли с великим срамом". И он проклял их, после чего они тотчас окаменели.

И былина и легенда заслуживают полного доверия потому, что в них видно любопытнейшее смешение языческого и христианского элементов. Это нашло свое выражение не только в победе христианства над язычеством в сюжетной канве произведений, но и в ряде других признаков.

Двоеверие, которое, безусловно, разделяли и смоляне, находило свое теоретическое обоснование в так называемых отреченных книгах. В них христианские понятия и предания оказались переплетенными с народными языческими мифами, с различными суевериями и поэтическим вымыслом. В этих книгах выражались представления людей переходного времени об окружающем мире на углубленной "двойной" основе. Недаром в церковной литературе их называли "глубинными книгами", находившимися под строжайшим церковным запретом. Само понятие "глубинные книги", видимо, исходит из понятий, выраженных в русских былинах и пес-

вах: "широта-то, широта поднебесная, глубина-то, глубина - Океян-море".

Христианская церковь прилагала огромные усилия к тому, чтобы искоренить двоеверие в преобладающей части населения, в том числе и в сознании служителей культа. Так, еще Лука Жидята в "Поучении к братии" (XI век) призывает соблюдать заповеди Евангелия и регулярно ходить в церковь, не мстить и не говорить "срамных" слов.

Феодосий Печерский (XI век) упрекал своих слушателей, по преимуществу монахов, в нежелании постигать основы христианского учения. "Не раз читал я вам жития святых, - обращался он к ним в своих проповедях, - вы же уши затыкаете, чтобы не слышать рассказа о мужестве их. Начнете сами читать, - едва предисловие дочитаете, - уже скучно вам становится, уже зевота одолевает вас".

Новгородского архиепископа Ильи (XII век) возмущало общее невежество, несоблюдение христианских обрядов, заключение браков без церковного благословения, обращение беременных женщин к волхвам и т.д.

В Уставной грамоте Смоленского князя Ростислава Мстиславича (1130 год) в числе "тяж", подлежащих рассмотрению церкви, названы: "первая тяжа - роспуст (развод), другая тяжа - ая водит кто две жоне (двоеженство), третья - аще кто поимеется через закон (браки между родственниками и браки без церковного благословения), а четвертая - уволочьская, ать уволочит кто девку..., а пятая - ая ту женку (умыкание)... шестая - вопрос зелья и душегубства тяжа (колдовство, зеленечество и душегубство)".

Множество примет, заклятий или заговоров и прочих суеверных преданий и обычаев, долго живших и до сих пор живущих в народе, свидетельствуют о том, что художественная основа, на которой возникли эти разрозненные, порой не согласованные между собой понятия или обряды, были уже не собственно языческими и совсем уже не христианскими, а какими-то смешанными, неясными, строго не определенными, смутными, короче, переходными. Фантастическая среда, в которой вместе с именами и предметами христианского мира соединялось что-то другое, более похожее на языческие мифические воззрения, и составляли, оче-

видно, содержание "двоеверия" с его фольклором и "глубинными книгами".

И все же, следует отметить, что христианство резко изменило весь уклад жизни смолян. Прибывшая вместе с новой верой кириллическая письменность при совмещении с существовавшими ранее смоленскими письменами, дала прекрасные результаты. В Смоленске появляются литературные сочинения, а также книги другой направленности. Смоленские люди проявляют свои литературные дарования, живя в других местах Древней Руси.

Первым писателем в области житийной историографии, самого древнего в литературе жанра, был Иаков Мних, собственно основатель его. Имя его до нашего времени остается малоизвестным, хотя его перу принадлежат три ярких произведения в силе русской агиографии — о Владимире и Ольге как равнопрестольных русской церкви, и о Борисе и Глебе — ее великомучениках.

Академик И. И. Срезневский (1812—1880), впервые прикоснувшийся к сочинениям Иакова Мниха, высказал предположение, что автор "Сказания о Борисе и Глебе" был выходцем из Смоленской земли. Такой вывод основан на том, что приблизительно в это время громко заявили о себе святой Аркадий Вяземский, живший в первой половине XI века, преподобный Исаакий, затворник Печерский, выходец из Смоленского пригорода Торошца, творивший свои "чудеса" в XI веке, и преподобный Прохор, родом из Смоленска, проявивший свой талант также в XI веке. Смоляне, как это видно, дали целую плеяду ярких личностей, прославившихся в древнейшие времена Киевской Руси и заложивших свою традицию в литературе.

Однако главным доказательством принадлежности Аркадия Вяземского, Исаакия Печерского, Иакова и Прохора к смоленской литературной школе были их неразрывные связи со своей родной землей.

Как свидетельствовал на смертном одре Феодосий Печерский, Иаков Мних прибыл в Киево-Печерский монастырь из Переяславского монастыря, сразу обратил на себя внимание черноризской братии, и Феодосий рекомендовал его на свое место архимандрита. Однако остается не выясненным, где был Иаков до того, как из Переяславля он попал в Киев. Есть предположение, что свой ивоческий путь он начинал в Борисоглебском монастыре, на Смя-

дней. Во всяком случае это был человек, прекрасно осведомленный и быстро ориентировавшийся в местном смоленском материале, что довольно легко устанавливается из его "Сказания о Борисе и Глебе", которое заметно и, можно сказать, в ряде случаев выгодно, отличается от двух произведений на эту же тему, созданных его младшим современником, знаменитым Нестором, составителем "Повести временных лет", прибывшим в Киево-Печерский монастырь 18-летним отроком и поэтому начавший свой литературный путь позднее Иакова, где-то после 1091 года, когда ему было поручено отыскать мощи преподобного Феодосия, которые он и обрел, о чем написал полный драматических переживаний рассказ.

Как литературное произведение, Сказание Иакова Мниха тоже драматизировано, ибо трудно было сохранить спокойную мину перед событиями в сущности своей глубоко трагическими. В уста Бориса и Глеба автор вкладывает пространные трогательные речи во время ожидания ими неминуемой горькой смерти и в страшный момент свершения подлого убийства. Драматизм и трагизм положения единоутробных братьев усиливается их жалобными сентенциями и молитвенными обращениями к Богу.

В художественном плане в Несторовом Сказании и Житии о Борисе и Глебе совершенно по-иному организуется материал, и выбирается иная манера изложения его, более похожая на манеру традиционного жития, и слог его напоминает слог библейских преданий, почти как в исторических книгах Ветхого Завета.

Иаков Мних принимает ближе к сердцу те ужасные события, о которых пишет. Видимо, в его время они вызвали острую боль, как незажившая рана. Современники были буквально потрясены случившимся братоубийством. Смоленская редакция жизнеописания Бориса и Глеба, павших от руки "Святополка окаянного" включает ряд подробностей, взятых, очевидно, из местных смоленских источников. В Сказании детально рассказано, как вызванный из Мурома Святополком князь Глеб Владимирович начал свой путь верхом на боевом коне с небольшой дружиной, что было типичным для княжеских походов. Но в устье реки Тьмы, уже в пределах Смоленской земли, его конь, зацепившись в темноте за корни деревьев, споткнулся на полном шагу и сломал ногу. Падая с лошади, Глеб сильно ушибся, и поэтому вынужден

был пересестъ из седла в ладью, на которой спустился вниз по Днепру до Смоленска. На въезде из города, в Смядннской бухте, его настигли подосланные Святополком убийцы во главе с Горясером. По его приказанию "повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник". Затем тело юного князя убийцы бросили на пустынном берегу Днепра, накатали на него две огромные сосновые колоды и прикрыли их в спешке хворостом. Так он и лежал, никем не видимый: "проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столб, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение". Такие подробности автор мог почерпнуть из бесед с очевидцами, а также из устных преданий, которые хранились в памяти народной вплоть до XIX века.

Ученые считают, что Иаков Мних написал свою трагическую повесть о Борисе и Глебе почти по горячим следам событий, до 1072 года, а остальные два произведения - о Владимире, крестителе Руси, и княгине Ольге, - несколько позднее. Они также отличаются от Несторовских, рознятся в сюжетном плане и в отношении стиля. Что касается Иакова как автора, то он подробно передал в своем сочинении речи героев, которые перемежаются с похвальными словами в их адрес и молитвами. В первой речи Владимир говорит о своем намерении дать Руси новую веру, во второй - о самом крещении; затем эти речи сопровождаются похвальными авторскими словами, за которыми вставлена речь о княгине Ольге, которая крестилась в Константинополе задолго до Владимира. Далее автор характеризует христианские добродетели первопрестольных русской православной церкви и в заключение дает обзор всего, что свершено ими.

Иаков Мних, получивший образование на Смоленщине и, может быть, начавший там свою литературную деятельность, состоялся как выдающийся писатель XI века, будучи иноком Киево-Печерской лавры. Это произошло при Ярославе Мудром, который, победив в упорной пятилетней борьбе Святополка, дал своему народу длительный мир. Именно при нем Киевская Русь становится книжной, грамотной страной. Находясь уже на смертном одре, он в 1054 году направил в Смоленск своего сына Вячеслава, став-

него собственно первым смоленским князем. При нем Смоленская земля обретает устойчивые границы: территориально в ее составе находились вся Смоленская губерния, от Новгородской губернии - Торопецкий уезд, от Тверской - Осташковский и Ржевский, от Московской - Можайский. "Лишь только на ступени на юг от озера Селигера, - писал известный историк прошлого века П.В. Голубовский, - так тотчас попадаем в Смоленскую землю", начало реки Волги было ее конечным северным пунктом; на юге последним городом Смоленского княжества был Зарой на реке Ипути, впадающей в Сож. На востоке смоленские владения простирались почти на все среднее течение реки Москвы: с Исконой, Берестовом и Загорьем - на севере, Числовом, Суновом и Добрыниным - на юге; "то место на среднем течении реки Москвы, где стоит город Москва, - по заключению П.В. Голубовского, - входило в состав Смоленской земли".

ОБРАЗОВАНИЕ И КНЯЖЕСКАЯ КУЛЬТУРА СМОЛЕНСКА ПРИ ВЛАДИМИРЕ МОНОМАХЕ И ЕГО ВНУКАХ

Оформление государственности в Смоленском княжестве явилось большим шагом вперед, ибо сочетание вечевой, коллективной, народной и индивидуальной княжеской властей послужило мощным стимулом в духовном развитии смолян. Между князем, жившим в своем "княжеском городе", - это была Смидьянь с прилегающими к ней застройками, церквями и монастырями, - и горожанами установились прочные и устойчивые связи, основанные на доверии и взаимопонимании. Они особенно упрочились после съезда русских князей в Любече в 1097 году, когда Смоленск окончательно закрепился за Владимиром Мономахом и его родом. С этого времени идет процесс интенсификации всей культурной жизни княжества, зафиксированный во многих летописных сводах. В 1101 году Владимир Мономах заложил на Соборной горе каменную церковь Успения Божьей Матери, ставшую затем кафедральным храмом епископов смоленских. В 1111 году церковь была построена и освящена. При освящении ей была передана икона Божьей Матери, известная затем под именем Одигитрии Смоленской. По существующему древнему преданию, она считается первоначальной святым евангелистом Лукою. В 1077 или 1078 году ее прислали из Константинополя Черниговскому князю Всеволоду Ярославичу - отцу Владимира Мономаха. Когда был по-

строен Смоленский Успенский собор, то по распоряжению Владимира Мономаха икона Одигитрии была перенесена из Чернигова в Смоленск и оставлена навсегда.

Смоляне боготворили чудотворный образ с его удивительной историей происхождения. По утверждению Дмитрия Ростовского, евангелист Лука, закончив работу над иконой, подарил ее одному из храмов в Иерусалиме, а оттуда в V веке она попадает в Константинополь и устанавливается во Влакерском храме. После того, как возле иконы произошло "чудо" - двое слепых прозрели, - ей было присвоено имя Одигитрии, или Путеводительницы. У смолян с нею связана легенда о святом Меркурии, оградившем город от нашествия татар. Войдя в храм, он увидел "пречистую Богородицу, на злате престоле сядяща, Христа в недрах имуща, обстоима ангельскими вои"; и она поручила ему защитить "богоизбранный град Смоленск"; "и я сама, - сказала она ему, - буду там с тобою, помогать тебе на врагов".

В Успенском соборе икона находилась до начала XV века. Когда в 1404 году литовский князь Витовт захватил Смоленск, смоленский князь Юрий Святославович вместе с иконой Божьей Матери спешно выехал в Москву. 110 лет она хранилась в одном из храмов Московского Кремля и только в XVI веке была возвращена в Смоленск.

Именем Богородицы Одигитрии и именами местных святых смоляне давали клятву на верность городу, клялись мужественно защищать его от врагов. Так, в 1608 году перед нашествием на Смоленск поляков "обещались они Господу и угодникам: Меркурию, Авраамии и Ефрему, - стоять за Дом Богоматери до смерти". В 1811 году на иконе Одигитрии "старанием преосвященного Серафима" была водружена новая риза - "весу в ней три пуда".

В грозные дни Отечественной войны 1812 года, отступая с боями на восток, русская армия несла с собой образ Богородицы Одигитрии; после изгнания французов 25 декабря 1812 года икона во второй раз была возвращена в свое логово, в "богоизбранный град Смоленск".

До самой революции она находилась в Смоленском Успенском соборе. Какой-то неизвестный реставратор подновил ее. Утверждают, что она висела в соборе до самой войны 1941-1945 годов. А вот как и когда она исчезла, никто толком объяс-

нить до сих пор не может. Одни утверждают, что иконы уже не было на отведенном ей в соборе месте накануне войны, другие говорят, что она исчезла с уходом оккупантов в 1943 году: они либо увезли ее с собой, либо уничтожили и замели следы. В настоящее время в соборе находится ее копия, установленная на том месте, где когда-то был подлинник.

Таква полная драматизма судьба иконы Божьей Матери Одигитрии, которую подарил Смоленску 880 лет тому назад Владимир Мономах. Судя по его своеобразному дневнику, который он оставил после себя вместе с поучением и письмом к Олегу Святославичу, в Смоленске он бывал неоднократно: и княжил, "и снова и вторично ходил к Смоленску", чтобы защитить его от непрошенных пришельцев; и "три зимы" затем ходил к Смоленску, а оттуда в Ростов и другие города. Как выдающийся писатель и политический деятель, Владимир Мономах во многом тоже обязан Смоленску. В своем Поучении он завещал детям и внукам учиться наукам и иностранным языкам, указав на пример отца своего, Черниговского князя Всеволода Ярославича, который, "дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран". И он советует молодым людям в учении "не лениться... ни еде не предавайтесь, ни спанью... если не будете помнить что, то чаще перечитывайте... что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь".

При потомках Мономаха Смоленск превращается в большой "каменный город" с прочными культурными традициями. В 1125 году заканчивается строительство церкви Богородицы, в 1145 - закладывается еще один "каменный храм" - "святых Бориса и Глеба в граде".

"В граде" - так называлась княжеская местность Смяднь, расположенная по левому берегу Днепра, протяженностью почти пять верст, где размещался княжеский дворец, Борисоглебский монастырь с его церквами, а также торговые и хозяйственные застройки и училище со скрепторием для переписывания книг. Может быть, именно здесь было изготовлено так называемое Мстиславово Евангелие - уникальный памятник древнерусской письменности.

Внук Владимира Мономаха, Ростислав Мстиславич, закладывает в Смоленске сразу три храма - Петропавловский, Ильинс-

кня и Козьмодемьянский, основывает в честь своего отца город-крепость на реке Вихре — Мстислав.

Ростислав Мстиславич не только строил города и храмы, но и собирал рукописи, содержал штат переводчиков и переписчиков. При нем Смоленское княжество стало именоваться великим, и сам он назывался соответствующим титулом. В честь его неизвестным автором, принадлежавшим к клиру кафедральной смоленской церкви, было создано литературное произведение в стиле русского торжественного красноречия — "Похвала князю Ростиславу Мстиславичу, князю Смоленскому". В композиционном плане произведение легко распадается на две части: первую составляет собственно похвала, выдержанная в духе произведений этого жанра и опирается на его традиции, вторую — факт освящения в Смоленске церкви Богородицы в 1150 году.

Похвала Ростиславу Мстиславичу воздает должное умершему смоленскому князю как выдающемуся политическому и церковному деятелю, учредившему епископию в своем княжестве, возведшему оборонительную стену в городе, воздвигшему крепость Мстислав на реке Вихре, построившему собор в Борисоглебском монастыре на Смядыни и т.д.

Все исследователи этого оригинального литературного памятника отмечали местный характер его содержания. Даже то, что Ростислав Мстиславич в последние годы был на "золотом Киевском столе", подается автором, как награда за его огромные заслуги перед Смоленском. Неслучайно он называет своего героя "треблаженным и святым", подчеркивая особое уважение к нему смолян. А они действительно любили его. Ипатьевская летопись рассказывает, как Ростислава Мстиславича на пути из Киева в Новгород смоляне встречали за триста верст. Имя князя, по свидетельству историка церкви Е.Е. Голубинского, было занесено в книгу святых, хотя официальной канонизации он не получил. Похвала в его честь свидетельствует о том, что в Смоленском княжестве существовал культ Ростислава Мстиславича, он окружен был густой завесой церковного почитания.

К сказанному следует прибавить, что по инициативе Ростислава Мстиславича в 1137 году в Смоленске была учреждена епископия, что, безусловно, значительно повысило политический и церковный авторитет Смоленского княжества в православном мире.

Первым смоленским епископом был Мануил. Около 1180 года к великому Киевскому князю Ростиславу Владимировичу, отцу Ростислава Смоленского, прибыли из Греции три "горазде певца", в которых, вероятно, нуждалась русская церковь, не имевшая своих певческих кадров, и которые поэтому должны были обучать русских иносей пению. Одним из прибывших был Мануил, поставленный в 1187 году епископом на Смоленскую епархию.

Утверждение епископии потребовало, конечно, подготовки большого числа священнослужителей и вообще ученых людей. С этой целью и приглашались учителя из-за границы для преподавания греческого и латинского языков. Большой спрос был и на учителей славянских языков и для преподавания других учебных дисциплин. Князь Ростислав хотел, чтобы в Смоленской земле было как можно больше толковых, образованных людей, ибо епископ и его сподвижники при церквях и монастырях являлись наставниками паствы, ее духовниками и судьями. И сам Ростислав Ростиславич живо интересовался наукой и искусством, обладал литературным стилем. Он вел оживленную переписку с митрополитом Климентом Смолятичем по сложнейшим вопросам церковной эзегетики, философии, античной литературы. Из этой переписки смоленский князь предстает большим книголюбом, человеком обширнейших знаний, который мог на равных началах вести полемику с самим митрополитом - выдающимся ученым того времени, равного которому, как отметил летописец, не было со времен Гомера, Аристотеля и Платона. Кроме того, перу Ростислава Ростиславича принадлежит "Уставная грамота" 1130 года - своего рода свод законов духовной и светской власти. Единственный экземпляр этого уникальнейшего литературного памятника сохранился в Швеции, его в 1838 году отыскал в шведских архивах профессор Гельсингфордского университета М.А. Соловьев по поручению Археографической комиссии. Остается загадкой, как документ XII века попал в чужую страну; по всей очевидности, он был вывезен как часть военной добычи, а может быть, его завезли шведские кушцы. Уставная грамота определяет границы Смоленского княжества, сообщает сведения о доходах, налогах, которые взимались с городов и сел Смоленщины в княжескую казну и в казну церкви. Например, общая сумма доходов новой смоленской епископии, по этой грамоте, была

равна 289 гривен, 13 ногат и 22 куны. Если выразить это в новых наименованиях, то старая гривна равнялась двум рублям, новая, установленная с XV века, — одному рублю; в гривне было 20 ногат или 50 кун. По общей сумме дани в княжескую казну можно судить о числе жителей города или села, что в наше время представляет большую ценность для науки.

Свою неудержимую тягу к знаниям и искусству Ростислав Мстиславич передал детям. Особенно отличился в этом отношении его старший сын Роман. Когда он княжил в Смоленске, то дополнительно открыл в городе несколько школ и училищ, привлекая в них не только боярских детей, но и способных отроков простого звания. Известно, что одна из таких школ размещалась в северо-западной части построенного им Иваново-Богословского храма, который сохранился до наших дней.

Роман Ростиславич так увлекся идеей образования молодежи, что истратил на это благородное дело всю княжескую казну. И когда умер он, то в ней не оказалось ни куны денег на его похороны. И тогда смоляне на погребение умершего князя собрали дополнительно столько денег, сколько собирали за год, и похоронили его с большими почестями. Не исключена возможность, что именно его имел в виду автор гениального "Слова о полку Игореве", подчеркнув не столько воинские доблести князя Романа, сколько его ум и склонность к умственной деятельности:

Храбрая мысль носит ваш ум на дело.

Высоко плаваешь на дело в буести,

яко соколе на ветрах ширяся,

хотя птицю во буйстве одолети.

Внимание читателя создатель древнерусского литературного памятника сосредоточивает на индивидуальной характеристике этого русского князя — книжника, философа, ученого человека, о котором летопись говорит: "вельма учен всяких наук".

Высокий уровень образования и общей культуры удерживался и при брате Романа — Давыде Ростиславиче, который, хотя "немного был учен, но любил книги читать и память острую имел". Несмотря на разногласия с городским вече — смоляне говорили, что живут "не добре с Давыдом", — но вопросам городского строительства, образования и книжной культуры он отдал немало сил. Выстроенная при нем Свирская церковь (храм Архан-

гела Михаила) сохранилась до наших дней. В течение столетий она поражала и теперь поражает своей красотой и величием. Гости из Любека, Дортмута, Лонстера, Бремена, Риги всегда удивлялись своим великолепием "княжеский город" на Смядны, его златоглавые храмы, их внутренняя отделка, особенно фрески и другие настенные росписи, характеризующие ювелирную работу смоленских мастеров.

О высоком уровне развития письменной культуры смолян свидетельствует их художественная литература. При этом обратим внимание на две ее стороны: на собственно литературу как словесное искусство, и на книгопроизводство на Смоленщине.

Всех, кто так или иначе соприкасался с литературными памятниками Смоленщины, поражали четкость, цельность и эстетическая завершенность произведений — при их жанровом многообразии. Это дает основание считать, что в литературном Смоленске глубокие корни пустила киевская художественная традиция. Контакты между городами в это время были действительно самыми тесными и плодотворными. Такому положению соответствовало то, что смоленские князья постоянно управляли в Киеве; вместе со своим окружением они испытывали благотворное влияние местной культуры; с другой стороны, они не менее благотворно влияли на культуру Киева, обогащая ее и обогащаясь сами.

Летописи зафиксировали ряд ярких примеров такого взаимодействия. Например, трагическая история Бориса и Глеба разрабатывалась художественно в двух вариантах — смоленском и киевском. И те и другие ни в чем не уступают друг другу. По содержанию смоленская редакция, может быть, выглядит несколько полнее и конкретнее. Другой пример — Климент Смолятич. Получив прекрасное образование в Смоленске, самое полное по тому времени, он по прибытии в Киев в качестве митрополита настойчиво внедряет идею широкого просвещения молодежи — не только в области богословия, греческого, латинского, древнееврейского языков, но и в области философии, античной литературы и искусства. Вместе с великим князем Изяславом они объединяют вокруг себя образованных людей и создают нечто вроде европейской академии наук.

СМОЛЕНСКАЯ КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ. АВРААМИЙ СМОЛЕНСКИЙ

Смоленская литература, как и вся древнерусская словесность

Киевского периода, достигает своего высшего развития в XII-XIII веках. Киевская традиция четко отпечаталась на всех ее ведущих жанрах: летописании, дидактическом и эпидиктическом красноречии, агиографии и т.п.

Рассматривая жития русских святых как исторический источник, выдающийся ученый прошлого века В.О. Ключевский отметил высокую книжную культуру жития преподобного Авраамия Смоленского – произведения, по его словам, цельного, содержательного и оригинального. Смоленская письменность конца XII – начала XIII века выдвинула житие местного святого, ни в чем не уступающее позднейшим произведениям этого жанра XV и XVI веков.

Из традиционных форм агиографической литературы, отразившихся в "Житии преподобного Авраамия Смоленского", отметим прежде всего Приступ, наполовину взятый из "Жития Бориса и Глеба"; имеются также литературные переключки с "Житием Феодосия Печерского"; традиционен Плач Ефрема по случаю кончины героя произведения и т.д.

В то же время "Житие преподобного Авраамия Смоленского" отличается важными художественными открытиями, выделяющими его среди других памятников русского агиографического жанра. В этом смысле его автор Ефрем создал произведение, существенно отличающееся от так называемых "княжеских житий", берущих свое начало в "Чтении о Борисе и Глебе", в "Житии Владимира Святого", "Житии княгини Ольги". Как писатель Ефрем творчески использовал литературные традиции киевской школы, значительно приумножив их. Его произведение отличается глубокой новацией. Главный герой его и не князь, и не воитель, а выдающийся духовный деятель из "рядовых" русских монахов. Именно это и определило оригинальность и новаторскую сущность литературного памятника. Житие по-новому мотивирует страстотерпческую судьбу героя, которому противостоят такие же священнослужители, как и сам он. Они подстрекают взбешенную толпу на расправу с ним. Поскольку в произведении использованы некоторые карнавальные сцены, это придает ему оттенок сатирического художественного письма; идеальный герой противопоставлен сатанинской массе – многоликой, злобной, беспощадной. Во время написания произведения сатира еще не получила своего настоящего развития, это произой-

дет значительно позднее, однако в Житии, созданном Ефремом, она как бы предвосхитила свое появление в художественном сознании русских людей.

Защищая всеми имеющимися в его распоряжении художественными средствами своего главного героя, автор создает поистине трагическую ситуацию в произведении. Идеальному герою противопоставлена враждебная среда с изменными страстями; это толпа горожан, подстрекаемая священниками и чернецами, низвергающая проклятия в лицо Авраамии; "от великой злобы заскрежетали на него зубами". "Если бы, — пишет автор, — им дали волю, они бы проглотили его живого. И возвысили голоса свои, словно волки рыкающие, иные же восклицали: "Да изгнан будет из города и заточен льстец и лицемер этот!" Другие же вопили: "Да сожжен будет еретик!" Другие кричали: "Да убит будет волхв!"

Льстец, еретик, волхв — это были в то время очень веские обвинения. Видимо, в своих проповедях и наставлениях Авраамий не ограничивался только толкованием священных текстов, а заглядывал и в другие источники. Из Греции, Болгарии, Сербии приходила тогда масса апокрифических, отреченных сочинений, в которых, кроме вопросов богословских, трактовались также проблемы космологии, психологии, зоологии. Русские книжники, не находя в книгах христианского учения ответов на многие интересующие их вопросы, обращались нередко к этим сочинениям, видя в них великую премудрость, "глубину морскую", и называли эти сочинения "глубинными" или "голубинными" книгами. Из Жития можно заключить, что Авраамий доставал и читал книги такого рода наравне с житиями, поучениями и другими произведениями "святоотческой" литературы. И не только сам читал, но и считал необходимым знакомить с их содержанием других, кто приходил к нему, когда он обитал в Селищенском монастыре, и когда он перешел в монастырь Честного Креста в Смоленске. И в первом и во втором случае он приходит в непримиримые противоречия со своей же монастырской братией. Он один выступает против всех, принимая всю ответственность за свободу своих активных действий. Такой конфликт собственно лежал в основе греческой трагедии. Если учесть, что традиции ан-

этого искусства имели себе прочие обоснование в трудах Климента Александрийского, оставившего после себя школу в Смирненском, но использование этих традиций со стороны его младших современников, Авраамия и его учеником Иеремом, не должно понимать никак недоуменно.

Кроме античной традиции, автор Жития об Авраамии Смоленском часто использует традиции ораторского искусства, прошедшего себе дорогу из Древней Греции через Византию - в русскую литературу. Пять раз в Житии упоминается имя Иоанна Златоуста, прославленного мастера христианского красноречия, Василия Великого, - которые учились искусству слова у знаменитого Либания - прославленного софиста Древней Греции. Иерем считает, что его учитель Авраамий проповедовал в духе Златоуста и Василия Великого, речи которых по содержанию и форме напоминали речи софистов. Смоленский проповедник поднимал в своих выступлениях серьезные вопросы мироздания, а также социальные и политические вопросы - семьи, воспитания, труда как основы общественного благосостояния. Кроме обличения недостатков в жизни мирян и служителей культа, им выдвигались планы позитивного развития. Неистовый проповедник слова Божьего рисовал перед своими многочисленными слушателями картины идеального устройства, основанного на братстве всех людей перед Богом. Может быть, поэтому в Житии фигурируют имена патриарха Иерусалима Ильи, апостолов Петра и Павла. Из русских нестяжателей дважды упомянут Феодосий Печерский, которому во многом следовал Авраамий, придерживаясь в своей жизни так называемого Студитского устава.

Известный византийский церковный деятель и писатель VIII-X веков, Феодор Студит, отличался суровостью и строгостью по отношению к монашеской пастве. От каждого члена общины он требовал полного и безоговорочного отречения от собственности и соблюдения строжайшей дисциплины. Каждый монах обязан был безоговорочно подчиняться игумену и повседневно трудиться. Устав исключал праздность и безделье: только труд в поле, в монашеской пекарне, во дворе считался обычным нормальным состоянием жизни обитателей монастырей. Может быть, это обязательное условие бескорыстного труда на общую пользу задевало монашескую общину и настраивало ее против Авраамия как последователя Феодора Студита.

В полном соответствии с особенностями житийного жанра автор сосредоточил читательское внимание на фигуре главного героя произведения — человеке талантливом, одаренном, высокообразованном. Его неординарность проявилась еще с детских лет: "дух Божий измлада в нем вседился", детскими играми он мало интересовался, но зато часто приходил слушать божественное и церковное пение и был наделен быстрым разумом.

Детство и юность Авраамия падает как раз на то время, когда на Смоленщине было образцово поставлено школьное образование, начавшееся с княжения Ростислава Мстиславича, его сына Романа и продолжавшееся при их преемниках. После смерти родителей он осуществляет свою сокровенную мечту и уходит в Селищенский монастырь. Все-таки непреодолимая тяга к знаниям вынудила его стать монахом. В Селищенском Успенском монастыре Пресвятой Богородицы он увлекается чтением "душеполезных" книг; особенно привлекали его жития древних святых отцов, основателей монашества — Антония Великого в Египте, его ученика Илариона и других великих Палестинских светильников, "светлого в постницех чудотворца Еуофимия", Саввы, Феодосия; с огромным интересом он усердно изучает труды русских "просиявших" угодников, старается во всем подражать им, учится у них великому искусству красноречия.

Авраамий выступает не только как образованнейший человек своего времени, великий "книжник", но и как страстный проповедник слова Божьего, как искусный истолкователь тех или иных мест в церковных книгах. Все, что он читал, пишет автор, в своей памяти хранил; его ум можно уподобить книгохранилищу. Даровитый проповедник, он в то же время был народным учителем, мудрым наставником; и все, что он говорил, отзывалось в сердцах его многочисленных слушателей; его слова приводили "во умиление и сокрушение сердечное".

Таким образом, монастырь для Авраамия явился и своего рода обителищем отшельника, который решил уйти от мирских соблазнов и заняться самосовершенствованием. На месте, где когда-то располагался Селищенский Успенский монастырь, теперь разместилось село Богородицкое, по левую сторону от Рославльского шоссе; еще в конце прошлого века жители указывали пещеру, где молился преподобный Авраамий, указывали также на остатки древнего дуба, который якобы был посажен им. Теперь и

этих принят уже не существует. А ведь когда-то здесь бушевали страсти, к монастырю устремлялись толпы паломников из Смоленска и окрестных сел; для них он был светочем знаний, а для Авраамия — высшей школой, в которой он дополнил и усовершенствовал свое книжное образование. Как справедливо заметил М. Н. Погодин, "всякая епархия представляла собой как бы учебный округ, всякий монастырь — гимназию, а всякая церковь — народное училище".

Изгнанный из Селищенского монастыря своими же монахами завистниками, неистовый проповедник слова Божия и неутомимый борец за правду находит прибежище в монастыре Честного Креста в Смоленске, продолжая и там свою подвижническую деятельность. О чем говорил он смолянам, приходившим к нему, какие недостатки в общественной жизни их клеймил, в наше время трудно судить. Но одно очевидно: Авраамий резко выступал против тех, кто систематически нарушал заповеди Евангелия, не соблюдал христианских обрядов, жил в браках без церковного венчания, допускал по старой привычке двоеженство, браки между родственниками. Говоря об этих "тяжах", он страшил своих слушателей страшным судом. На эту злободневную тему он нарисовал две иконы, которые во время проповедей использовал как наглядные примеры, потрясая души слушателей замечательным на них страшным Божиим судом. Очень жаль, что история не сохранила эти вещественные доказательства многогранного таланта Авраамия как художника-живописца. Из Жития он предстает перед нами и с еще одной стороны — как человек с необыкновенными музыкальными способностями. Ефрем рассказывает о том, что он прекрасно исполнял церковные псалмы; прихожане заслушивались его чудесным, чистым, мелодичным голосом. Как и искусство живописца, музыкальные способности и вокальные данные надо считать как проявление богатейших традиций смоленской школы, видимо, заложенных еще со времен первого смоленского епископа Мануила.

Житие преподобного Авраамия Смоленского проливает свет и еще на одну важную сторону развития книжного образования на Смоленщине: речь идет о книгоиздательской деятельности и о процессе создания книг. Книжные занятия выдающегося смоленского ученого монаха не ограничивались только чтением, пропово-

ведями, церковным пением и иконописью, он выступает и как незаурядный писатель. М.В. Аксенов, автор очерков по истории народного просвещения в Смоленском крае с древнейших времен и до начала XIX века, продемонстрировал содержание случайно сохранившегося рукописного произведения Авраамия, найденного академиком Шевыревым в Волоколамском монастыре. Оно имеет два названия – "Слово о небесных силах, чего ради создан бысть человек" и "О двенадцати мытарствах". Оно произнесено было в день архангела Михаила. В Слове Авраамий, отвечая на поставленный вопрос, утверждает, что человек "создан не для того, чтобы есть, пить и одеваться в красивые одежды, а для того, чтобы угодить Богу". И жизнь земная "есть война"; и если для войны с другим народом нужно не только оружие, но и знания опытные, то тем более для брани духовной нужно учиться многому у опытных святых мужей, нужно узнать от них, какое духовное оружие полезно в каком случае; "это та же борьба," а для успешного ведения ее Авраамий видел только одно средство, одно "оружие" – знание.

Авраамий, как это вытекает из его Жития, организовал подле себя группу писцов, можно сказать, создал своего рода скрепторий для составления и тиражирования рукописных книг, в том числе и своих собственных сочинений.

Историк прошлого века Шлоссер, опираясь на архивные документы, писал о существовании в Смоленске в конце XII – начале XIII века обширной рукописной библиотеки с огромным книгохранилищем. Книги изготавливались не только в Селищенском подгородном монастыре, но и в самом Смоленске, где работали десятки специально обученных людей – как смолян, так и выписанных из Греции и Рима. Каждый из них мог написать в год только одну рукопись большого объема, равную, например, Остромирову Евангелию. Рукописные книги ценили очень дорого. Так, обыкновенная рукопись среднего формата стоила пятьсот рублей серебром – только за исполнение, не считая материала, который тоже очень дорого ценился, так как изготовлялся из тонкой телячьей кожи за границей и оттуда привозился в Россию.

СМОЛЕНСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Смоленскую древнюю "полиграфическую" традицию венчает пер-

вая на Руси "лицевая", т.е. иллюстрированная, Радзивилдовская или Кенигсбергская летопись. Свое двойное название она получила по имени ее владельца Януша Радзивила и по названию книгохранилища, куда поступила она после продажи.

Поляки и литовцы, захватив Смоленск, подвергли его грабежу и разорению. Очень много ценнейших антикварных вещей было нагло похищено и вывезено за границу.

Как известно, в честь победы Москвы над Литвой в 1524 году был воздвигнут Новодевичий монастырь. Его служители, по преимуществу монашки, вышили золотом, серебром, шелком и украсили драгоценными камнями плащаницу, направив ее в подарок Смоленскому собору—"дому Богоматери". И вот в 1611 году эта драгоценная духовная реликвия смолян бесследно исчезла. Только через 250 лет, в 1863 году, протоиерей из Вильно, Антоний Пшолко, обнаружил описание этой плащаницы в польском журнале за 1822 год. Об этом он доложил графу М.Н. Муравьеву. После этого, по указанию графа, начинаются розыски русской святыни. Она найдена была в Клеменсовском замке графов Замойских, в Люблинской губернии. В графский замок она попала из Пуловского музея "Сибилла". А музей получил ее из Виленского Базилианского монастыря, которому подарил эту реликвию польский король Сигизмунд III.

Вот так грабили Смоленск: Сигизмунд III вывез плащаницу, а Януш Радзивил в 1633 году увез смоленскую летопись, определив ее в Кенигсбергскую библиотеку. В начале XVIII века царь Петр Первый, занимаясь в библиотеке, обнаружил эту русскую рукопись и распорядился, чтобы ему сняли с нее копию. А в 1758 году, когда российские войска, ведя так называемую семилетнюю войну против Пруссии, заняли город Кенигсберг, президент Петербургской академии наук граф К.Г. Разумовский (1728-1803) вытребовал этот бесценный летописный свод. Так он был возвращен в Россию и теперь находится в рукописном отделе библиотеки Академии наук. По последним сведениям, закончена реставрация этого исторического и литературного памятника. В скором времени он будет переиздан и станет достоянием массового читателя. Совершенно очевидно, что настало время восстановить справедливость и дать ему настоящее имя - Смоленская летопись.

Смоленский летописный свод с общим объемом 251 лист имеет 618 красочных миниатюр; каждый лист почти поровну "украшен" 2-3 рисунками. Написана рукопись полууставом. То, что это "чудо" полиграфического искусства ХУ века родилось на Смоленщине, подтверждается многими факторами, прежде всего содержанием памятника.

Исключительно большое внимание в летописном своде уделено событиям, происходившим в Смоленском княжестве.

Смоленск начинает фигурировать с 882 года, когда "поиде Олег поимъ вои многы: варяги, чюдь, словене, мерю и все кривичи, и приде к Смоленску и с кривичи последнее приа град и посади мужи свои". Слово "последнее" приписано другими чернилами; оно не встречается ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской летописях, а здесь уточняет смысл всей фразы: Олег подошел к Смоленску с кривичами, и последние взяли город и посадили в нем своих правителей. На этот сюжет далее дается красочная миниатюра. Такие уточнения разбросаны повсюду в Смоленском летописном своде. Так, под 885 годом повествуется о том, что ляхские племена радимичи, осевшие еще в доисторические времена на реке Сож, стали платить дань Олегу. Отметим еще одну аналогичную деталь, которую мог помнить и воспроизвести письменно человек, проживавший в Смоленске и только в нем. В 1015 году "Глеб приде к Смоленску, и поиде от Смоленска, яко зрима, и ста на Смядыни в насаде". На миниатюре к этому сообщению изображен молящийся Богу юный Муромский князь Глеб, погибший от руки наемников брата своего Святополка. Выражения летописца "яко зримо" и "в насаде" подчеркивают его прекрасную ориентацию на местности. Смядынь в самом деле находится от города Смоленска в пределах видимости, и еще подчеркнута, что в этом месте смоляне ловили рыбу. Составитель летописного свода счел необходимым, в отличие от своих коллег, уточнить дату начала княжения Владимира Мономаха в Смоленске. Сама по себе эта запись представляет большой интерес для лингвиста-в морфологическом и синтаксическом плане - "1078 Володимиру, сидящу в Смоленску". "В Смоленску" - это типичный местный оборот речи, с окончанием "у". Под этим же годом летописец рассказывает, как Борис и Олег в союзе с половцами разбили дружину Всеволода на реке Сож и множество русичей посекли.

В красочной миниатюре хорошо запечатлен этот трагический эпизод.

Отметим еще ряд неординарных фактов, которые можно соотнести с жизнью Смоленщины.

В лето 1130, по сообщению летописца, "великий Мстислав ходе на Литву и вземь полон мног велми, и вратися за ся". Здесь речь идет о Смоленском князе, который в последние годы своей жизни княжил в Киеве, поэтому он и назван "великим", поскольку занимал "золотой Киевский стол". Далее в летописи сказано, что "заложил Мстислав церковь святые Богородицы Пирогошу", которую впоследствии прославил в веках автор "Слова о полку Игореве":

Солнце светится на небесе, -
 Игорь князь в Руской земли:
 девицы поют на Дунаи, -
 выются голоса чрез море до Киева.
 Игорь едет по Воричену
 к святей Богородицы Пирогошей.
 Страны ради, гради весели.

Под 1137 годом в летописи стоит запись: "Поставиша епископа Мануила скопца к Смоленску, потом другого скопца к Володимиру епископом - Феодора".

Обращает на себя внимание словечко "скопца" применительно к двум русским епископам. В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка так разъяснил это понятие: "Скопить (кого) - оскоплять, делать скопцом, телесно лишать мужества, холостить, исказить, делать кажеником", - и применительно к своему времени связал его с религиозными мотивами, с Хлыстовщиной, расколом, когда фанатичные люди чаяли спасение "от заморения плоти, для чего и скопляются; ядут второго пришествия": "Себя скоплю, себе рай куплю". Однако вряд ли применимо такое объяснение к высшим духовным сановникам XII века. В Западной Европе скопчество имело совершенно другие цели: вокально одаренных отроков подвергали операции для того, чтобы дольше сохранялся "серебряный" тенор. Смоленский и Владимирский епископы прибыли на Русь из Греции, где они в специальных школах изучали вокал, готовились стать духовными певцами, руководителями хоров и т.д. От русского летописца не ускользнула и такая деталь, как изуверство ради сохранения голоса, что на Руси, видимо, осуждалось.

Составитель Смоленской летописи не преминул сообщить под 1147 годом о том, что великий князь Изяслав "постави митрополита Клима русина особе со 6-ю епископ июля 27 на святого Пантелеймона". Между прочим, в числе шести епископов, проголосовавших на соборе за кандидатуру "русина" смоленского происхождения Климента Смолятича на пост митрополита всея Руси, не было голоса смоленского епископа Мануила, потому что он был против избрания на эту должность русского человека, так как всегда в ней пребывали греки, назначенные патриархом, проживавшим в Константинополе. Мануил тоже был греком по национальности и прибыл на Русь из Византии. Под 1167 годом в летописи сделана запись о смерти Ростислава Мстиславича. Это при нем завершилась неординарная история избрания Климента Смолятича. Ростислав княжил в Киеве после смерти брата Изяслава, просидел на "золотом столе" девять лет; умер он 21 марта на пути из Смоленска в Киев, видимо, из-за сердечной недостаточности, был привезен и похоронен в Киеве.

Следует указать и еще на одну очень важную запись с соответствующей миниатюрой о сыне Ростислава - Давыде, который прожил в Смоленске дольше всех Мономаховичей, - 33 года. До Смоленска он княжил в Вышгороде, который находился в 15 километрах от Киева. И вот там он "со братиею своею, приеха ночи противу свету к Киеву, ять брата князя Андрея Всеволода и Ростиславича Ярополка дружину их". Об этом же Владимирском князе, Ярополке Ростиславиче, записано под 1175 годом, что зимой он "оженися" (заметим, что это чисто смоленское слово), "поя за ся Всеславлю дщерь, князя Витепского, и венчался с не в Володимире у святей Богородицы ("у святей" - тоже чисто смоленское выражение), генваря 3 мясопустые недели во второк" (последнее слово также чисто смоленского говора).

Как видно, составителя смоленской летописи интересовали подробности не только общественной, но и личной жизни смолян и их современников. Однако совершенно безосновательно будет полагать, будто составитель летописного свода ставил своей задачей идеализировать смоленских правителей, как и их отпрысков, он был объективным рассказчиком. Когда смоленские князья творили зло и сеяли междоусобицы, он писал о них строго,

но вполне объективно, рассказывая о них "все доброе и недоброе, несладостное и неуласканное". Именно в таком ключе он поведал под 1203 годом о захвате Киева Рюриком Ростиславичем, который вместе с Ольговичами и половцами взял приступом город, "и сотворися великое зло в Руской земли". Это сообщение о варварском разграблении столицы древнерусского государства своими же русичами сопровождается иллюстрациями, соответствующими основному содержанию рассказа.

Рассказывая со всеми подробностями и деталями о Ростиславичах, внуках и правнуках Владимира Мономаха, летописец резко осуждал междоусобицы, которые истощали русские народные силы. Под 1205 годом им сделана запись: "И дьявол положи ячение великое: Роман емь Рюрика, и посла в Киев, и постриже в черници, и жену его, и дщерь его, еже бе пустил; сына Рюрикова и брата его Володимира, а тою пою с собой". Даже великий Киевский князь был опечален таким событием. К тому же Рюрик Ростиславич доводился ему зятем, а его дочь, жена Рюрика, была пострижена вместе с мужем в монахи, и дети князя, и даже некоторые его родственники. Это сделал Роман Волынский, победив Рюрика в междоусобной борьбе.

Летопись не случайно обрывается рассказом о пострижении Рюрика Ростиславича, самого воинственного древнерусского князя после Святослава, повествователь далее не находит слов от волнения и прерывает речь без едальнейшего возобновления. Рюрик ведь родился, вырос и возмужал в Смоленске, а теперь Волынский князь Роман, победив его в борьбе, постриг в монахи. Летописец завершает повествование словами великого Киевского князя в защиту Рюрика. "Роман же, — пишет он, — послуша великого князя и зятя его пусти, и бысть князь киевский, и брата его пусти".

В летописном своде, именуемом Радзивилловским или Кенигсбергским, повсеместно отдается предпочтение Смоленску перед другими русскими городами, даже перед великим Новгородом. Обстоятельно повествуется о разнообразной деятельности смоленских Мономаховичей, а затем Ростиславичей. В общей сложности им отведено 105 страниц повествовательного текста. Показательны в этом плане некоторые отмеченные и неотмеченные подробности, свидетельствующие о том, что повествование почти всег-

да велось рассказчиком или автором с "близкого расстояния".

Если рукопись так называемой Радзивилловской летописи, как установил еще в конце прошлого столетия Н.П. Лихачев и подтвердили уже в наше время В.Ф. Покровский, А.М. Коланев, М.В. Кукушкина и М.Н. Муравьев, датируется концом XV века, то тогда как мог получить ее из Суздаля, где якобы она была изготовлена, Януш Радзивил, если он в начале XVI века при штурме Смоленска был одним из главных военных предводителей, а при взятии города разорителем. И поэтому вся история с Радзивилловской летописью имеет другой сюжет. И не в Суздале она была изготовлена, а в Смоленске, который к тому же обладал огромным опытом производства рукописей, иллюстрированных красочными миниатюрами.

ДРУГИЕ ПАМЯТНИКИ СМОЛЕНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

В XIII веке в Орше, которая входила в состав Смоленского княжества, было изготовлено пергаменное Евангелие. Оно принадлежало одному из православных монастырей города и долго хранилось в нем. В Отечественную войну 1812 года отступающие французы выбросили рукопись на улицу, но горожане спасли ее. До революции 1917 года она хранилась в музее Церковно-Археологического Общества в Киевской духовной академии, а где находится в настоящее время, не известно.

Написанное на пергамене, Оршанское Евангелие украшено заставками и инициалами евангелистов - в красках, золоте, с изображением животных, птиц, драконов, змей, фигур с головами людей. Если судить по рисункам, а также по исполнению самого текста, выполненного с некоторыми диалектологическими особенностями, то Евангелие писалось каким-то смоленским "доброписцем".

В 1395 году в Смоленске была изготовлена роскошная "лицевая" Псалтирь Онежского Крестного монастыря. Как установил исследователь Г.К. Богуславский, она была списана рукой некоего Луки Смолянина. Рукопись состоит из 150 псалмов царя Давида, написана четким красивым полууставом с авторскими рисунками. Заставки книги разукрашены яркими цветами, а инициалы евангелистов - золотом, как и в Оршанском Евангелии. Всего в книге 175 миниатюр - разнообразных и очень отчетливых, характеризующих составителя и автора рукописи как оригинального художника с тонко развитым вкусом. Кроме

того, он обнаруживает также прекрасное знание византийской иконописи и искусства английских, кельтских и скандинавских мастеров. По заключению Г.К. Богославского, "как произведение рук смолянина, данная псалтирь служит наглядным доказательством того, как высоко стояло в древнем Смоленске в XIV веке искусство списывания книг и рисования, а также иконописания (в миниатюрах)".

Чтобы правильно расшифровать рисунки Луки Смолянина, необходимо вникнуть в смысл их сложной символики. В одной из миниатюр автор изобразил сверху льва и барса с крыльями, а внизу медведя и какое-то непонятное животное с рогами и козлиной бородой. Между ними он поместил небольшую человеческую голову, от которой идет хвост, который оканчивается змеиной пастью с высунутым языком. Все звери изображены с разинутыми пастьями, обращены друг к другу; когти у них выпущены для смертельной борьбы. Полное удивление вызывает то, что посреди этой страшной компании сидит жалкий, дрожащий от страха зайчик. Ощущение такое, что он вот-вот прыгнет и побежит. Внизу под картинкой сделаны надписи: лев - "царь римский", барс - "царь македонский", медведь - "царь вавилонский", чудище - "антихрист".

Исследователь так истолковал эту сложную символику: царь римский - это Литва с ее римско-католической церковью, барс - немецкий тевтонский орден с его попытками мечом и кровью внедрить католичество на Руси, медведь - это великое, но неуклюжее Московское княжество, антихрист - это татарский хан, держащий русичей в крепких когтях, а зайчик - это Смоленск, который в сложившейся ситуации не знает, куда ему деваться. "Смолянин-инок Лука, - замечает Г.К. Богославский, - следя из монашеской кельи за судьбой родины, видел это безотрадное, близкое к гибели состояние ее, и как патриот, скорбя о том, решил наглядно изобразить в своей псалтири на память потомкам, то отчаянное положение Смоленского княжества, в котором оно находилось в то время".

В 1428 году по поручению епископа Герасима в Смоленске был переписан сборник слов преподобного Исаака Сирина; историки полагают, что при Герасиме исполнялись не только отдельные поручения по переписке книг, но систематически велась и смоленская летопись.

В 1487 году, как раз в то время, когда создавалась Радзивиловская "лицевая" летопись, некто Сенко, сын Якова, написал Минею месячну за март и апрель. Рукопись содержит 183 страницы, исписанных в два столбца полууставом XV века. В послесловии переписчик сообщил некоторые биографические сведения о себе: "Изволися написать сия книги, рекомы март с апрелем, лета (от рожества Христова) тысяча чотыриста осмьдесят семого, при державе короля польского Казимира, великого князя литовского, а повелением и желанием пана Солтана, короля его милости маршалка литовского, нареченнаго в своем крещении Александр, рукою многогрешнаго и грубаго диакона Сенка, родом смолянина, от отца именем Якова".

Тем же почерком и, наверное, тем же автором написана и другая минея за январь и февраль.

Имеются сведения, что дьяк Сенко Яковлевич как большой мастер по переписке и созданию книг состоял на службе в Вильно.

В 1495 году "во граде Смоленске, при державе великого князя Александра, повелением епископа Смоленского Иосифа (Болгариновича) рукою многогрешного раба Божия Авраамки" был составлен огромный летописный сборник объемом 450 страниц. Его нашел в книгохранилищах города Полоцка в шестидесяти годах прошлого столетия А.В. Рачинский.

Авраамкина летопись имеет четыре раздела. Первый озаглавлен "Начало Русии земли"; в нем автор ведет повествование от расселения славян в глубокой древности и завершает его важными событиями 1469 года. Поскольку в целом летопись направлена против католиков, автор акцентировал внимание по преимуществу на церковных событиях. Он резко осуждает митрополита Киприана за его церковные выкрутасы. Рассказывает о взятии Смоленска Витовтом. Хорошо выражена в летописи тяга смолян к Москве.

Во втором разделе своей летописи Авраамка дает краткую историю Руси - от Олега, Святослава, Ярополка. Рассказывает о крещении киевлян Владимиром. В этом разделе дается резкая критика иноверцев. Причем все это изложено четко и убедительно.

В третьем разделе воспроизводится родословная русских князей — от Рюрика и до Ивана III. Кроме князей дан перечень русских митрополитов. Поднимаются некоторые юридические основы русского законодательства.

В четвертом разделе, который носит название "Летописец литовский", воспроизведены события, происходившие в Литве. На этот счет хорошо высказался известный польско-литовский хронист XVI века Стрыйковский, по словам которого, "без Руси Литва не знала бы своей истории, ибо русские имеют древнейшие сказания", своих же национальных летописцев, писавших на литовском языке, у Литвы не было.

Кроме материалов, расположенных в хронологическом порядке по указанным разделам, в Авраамкиной летописи помещены еще четыре небольших сообщения, среди которых отметим рассказ "О сотворении грамоте греческой", и послесловие, традиционно раскрывающее автобиографию автора. Из послесловия можно установить, что составитель огромной летописной рукописи Авраамка был человеком хотя и молодым, но достаточно образованным в духе своего времени. Такие знания, какими он располагал, могли быть приобретены им систематическим трудом, что возможно только в хорошей школе. Кроме исторических хроник, ему были известны книги Ветхого и Нового Завета, сочинения таких византийских писателей, как святой Афанасий Великий, Кирилл Философ и Иларийон — видимо, создатель гениального "Слова о законе и благодати". Ученые считают, что источником для Авраамки была Толковая Палея, а также хроника Амартала.

К памятникам смоленской письменной культуры конца XV века можно отнести и разного рода акты юридические, уставные и казенные грамоты, которые тогда носили название "привилей". Судовые, купчие, раздельные, долговые, поручные, записные, заставные, виновные и т.п. Из этого комплекса письменных документов отметим два "судовых листа"; их выдал Казимир на имя смоленского наместника Николая Радзивила, которого смоляне ненавидели и на которого писали польскому королю жалобы. Судовой лист давал наместнику какие-то дополнительные права, защищавшие его самого от гнева народа. Из этого документа можно также установить, что все дела юридического плана велись на русском языке.

Смоленская книжная культура была сосредоточена преимущественно в монастырях, имевших училища и свои скриптории. В XV-XVI веках, как утверждают историки, духовенство было самым просвещенным сословием на Смоленщине. Об этом свидетельствует большое количество богослужебных книг южно-русского и западно-русского происхождения, на которых сохранились имена переписчиков смолян.

Главным направлением в деятельности смоленских книжников было в XV веке летописание. По утверждению польского историка XIX века Станислава Смольки, в Смоленске велось две летописи: первая - с 1395 по 1418 и вторая - с 1432 по 1446 год. Видимо, эту важнейшую работу следует рассматривать, как подступы к Смоленскому "лицевому" летописному своду, который вывез Януш Радзивил. Позднее, по проложенным путям, создается в Смоленске так называемая Супрасльская летопись, получившая свое имя по имени монастыря.

Супрасльский монастырь, расположенный подле города Белостока в Белоруссии, был основан в самом конце XV века А.И. Ходкевичем при активном содействии Смоленского епископа Иосифа Солтана. Этот монастырь имел самую обширную библиотеку в Европе. Огромная библиотека, состоящая из редких рукописных книг, была в Киево-Печерском монастыре. При штурме Смоленска Сигизмундом III в 1611 году целиком погибло богатейшее книгохранилище Успенского собора. Большие книжные фонды погибли и в Волдинском монастыре.

Волдинский монастырь, основанный в XVI веке Герасимом, был заметным культурным очагом на Смоленщине. В 1530 году выходец из Переяславля Залесского, Герасим поселился в "тихине мале" и построил вместе с прибывшей братией из разных мест России храм Живоначальной Троицы в честь своего духовного учителя, преподобного Сергия Радонежского. Монастырю помог развернуться Московский князь Василий III, снабдивший его деньгами и земельными угодьями.

Устав Волдинского монастыря сохранился в "Житии преподобного Герасима", написанном в 1586 году Волдинским игуменом Антоном. Это произведение смоленской книжной культуры осталось неизвестным, поскольку оно никогда не издавалось. Существовало две рукописи этого памятника: одна хранилась в

в Румянцевском музее Москвы, а другая в Волдинском монастыре, к первому списку была приложена автобиография Герасима Волдинского.

Волдинский список Жития был утрачен в "смутное время", когда вся Смоленщина была завоевана интервентами, а монастырь отдан иезуитам, которые устроили в нем училище (кватор) с целью обращения молодого поколения в католическую веру. Такая же участь постигла и знаменитый Авраамиев монастырь в Смоленске. Только после освобождения Смоленского края от поляков и литовцев Московский собор принял решение в 1659 году о восстановлении в Смоленске православной кафедры. Патриарх Никон прислал из Суздаля епископа Филарета, подчинив ему, кроме Смоленска, Дорогобуж, Рославль и Белый. Одни за другим стали восстанавливаться православные монастыри и церкви благодаря кипучей деятельности Филарета. В 1663 году оживился Вознесенский монастырь в Смоленске; при нем было открыто училище для обучения и воспитания православной шляхты. Из Оршанского Кутейинского женского монастыря прибыла в Смоленск игуменья Иракда — умнейшая и образованнейшая по тогдашнему времени женщина; она-то и стала душой вновь открытого девичьего учебного заведения, в котором пребывала в учении дочь полковника К. П. Нарышкина, Наталья Кирилловна, ставшая с 1671 года второй женой царя Алексея Михайловича, а затем матерью Петра Первого. При митрополите Смоленском и Дорогобужском Дорофее открылось еще одно учебное заведение — Смоленская архиерейская школа — для преподавания "учений латинских", "грамматики славянской" и всех наук — "до риторики". Существовала школа при Авраамиевом монастыре. Причем для нее было выстроено специальное "каменное двухэтажное здание" — для помещения библиотеки, затем появилось еще одно двухэтажное помещение — для учителей. Но и этого оказалось мало: было построено еще два корпуса — для классов и помещения учеников; это было уже не училище, а целый учебный городок интернатского типа.

Развитая сеть школьных учебных заведений требовала, со своей стороны, достаточного количества учебников и учебных пособий, а это подталкивало к повышению уровня книгопроизводства, к наращиванию мощностей письменной культуры, которая

все глубже и глубже проникала в народные массы. Об этом свидетельствует множество свидетельств, в частности, сохранившиеся до XIX века книги, изготовленные в селах Смоленщины, как например, Евангелие, писанное в 1527 году в селе Нюном, близ Вязьмы, и другие памятники письменной культуры.

Такой мощной и плодотворной предстает смоленская книжная традиция. Именно такие талантливые и всесторонне образованные энтузиасты-переписчики, как Сенка и Авраамка, создавали Радзивиловский-Смоленский или Супрасльский летописные своды, равным образом по "полиграфическому" исполнению не знала европейская книжная культура того времени.

И гизадовская "гороуха", и славянские буквы на пфлятах и кирпичках, в Мстиславском Евангелии, и иллюстрированная Псалтирь, и месячная Минея, и обширный Авраамкин летописный сборник, и, наконец, роскошная "лицевая" Радзивиловская-Смоленская летопись - все это звенья единой системы, свидетельствующей о поразительных успехах смоленской письменной культуры, проникшей в самые глубины народного сознания.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Аксенов М.В. Очерки из истории народного просвещения в Смоленском крае с древнейших времен до начала XIX века. Смоленск, 1909.

Голубовский П.В. История Смоленской земли. До начала XV века. Киев, 1895.

Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Смоленск, 1903.

Огрызко Вяч. Праздник на все времена. Москва-София, 1991.

Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898.

Полное собрание русских летописей. Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. Т. 38.

Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь Древней Руси. XI-XIV вв. М.: Наука, 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из истории славянских празднеств в России.....	3
Дни славянской письменности и культуры в Смоленске.....	8
Смоленск: гипотезы о названии города, смоляне и кривичи.....	14
Образование Смоленского княжества. Развитие культуры.....	20
Образование и книжная культура Смоленска при Владимире Мономахе и его внуках.....	28
Смоленская книжная традиция. Авраамий Смоленский.....	34
Смоленская иллюстрированная летопись.....	40
Другие памятники смоленского производства.....	46
Краткая библиография.....	52

Виктор Васильевич ИЛЬИН

СМОЛЕНСК - СЛОВО СТАРИННОЕ И ЧАРУЮЩЕЕ.
ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОРОДА

Материал для школ и вузов к Дню славянской письменности
и культуры

Редактор Л.В. Вушова

Формат бумаги 60×84¹/₂ Тир. 500 Зак. 2264 Печ. листов 3,5

Смоленская городская типография
Упрполиграфиздата Смоленского облисполкома
Индекс 214000, ул. Маршала Жукова, 16

